

Смятение чувств

[Александр АБДУЛАЕВ](#) - 10 марта 2018

Геныч, так звали мужчину пятидесяти лет, невысокого худосочного вида с мятым от сна лицом, вышел из своего подъезда и упёрся взглядом в серое, налитое дождём, небо. В нём низко чертили фигуры высшего пилотажа несколько птиц. Верхушки деревьев под южным напором верховика раскачивались из стороны в сторону. Воздух был наэлектризован будущей грозой. Из открытого окна первого этажа слышался разговор между мужчиной и женщиной. Женский голос звучал требовательно и настойчиво:

– Ты когда отремонтируешь ванну? Ну, сколько можно раз тебе об этом говорить?!

Увидев выходявшего Геныча, невидимая рука тихо притворила створки окна. Геныч пригладил рукой волосы на голове, быстро зашагал в продовольственный магазин купить литровый пакет молока, сварить манную кашу, которую он любил с детства.

– Эй, Геныч! Куды это ты с самого утра намылился? – остановил его басистый голос соседа Витьки Жучкина. Он оборачивается и видит его стоящим в одних длинных чёрных трусах - семейниках на балконе. Витька радостно улыбается и почти не видно узких глаз из-за толстых щёк. Широкие взлохмаченные брови казались случайными на низком лбу. Витька жил с ним в одном подъезде, только на третьем этаже.

– Ты там стоишь на верхотуре и полощешь своими парусами. Плыть куда-то собрался? Снизу всё видать. Срамота, да и только, – сплюнул себе под ноги Геныч и пошёл своей дорогой. До него доносится Витькин смех.

– Да ладно тебе! Я-то по утрам сверху смотрю на вас – мурашей, как мелкими шажками ходите туда-сюда. Ты, поди, в магазин побёг? Новую хозяйку ещё не привёл в свою хату?

Последние слова резанули Геныча по сердцу, он хотел сказать что-нибудь обидное соседу, но, втянув голову в плечи, только ускорил свой шаг. У него жена умерла, как два года назад, от тяжёлой болезни, которая изнутри изъедала её женскую плоть. Маргарита жена Геныча, женщина тихая и ласковая, выросшая в деревне, воспитанная своей матушкой в покорности своему мужу. В конце месяца Геныч обычно приходил домой после получки в дымину пьяным. Перед тем, как попасть к себе в квартиру, он долго

шарил рукой по стене в поисках кнопки звонка. Маргарита слышала, как возвращается домой муж, она стояла в комнате с выключенным светом и тревожно вглядывалась в законную темень. Дверь внизу хлопала, впуская запоздалого жильца, и Геныч, тяжело дыша, поднимался на пятый этаж к себе домой, он знал, что его ждёт Маргарита, которая встретит с осуждающими и холодными глазами. Перешагнув через порог, Геныч почти падал в заботливые руки жены и еле выдавливал из себя глухим осипшим голосом:

– Прости меня, милая, если можешь, подлеца окаянного! Посидели с мужиками из цеха в пивной, выпили по две кружки. Клянусь, больше не бу...ду!

Из кармана клетчатого пиджака торчало горлышко поллитровки. Он приносил с собой запах пивной сырости, вяленой рыбы и собачьей шерсти. Маргарита тяжело вздыхала, раздевала своего мужа заботливыми руками, как она раздевала дочь, когда та была маленькой.

Геныч распахнул дверь магазина и оказался в небольшом помещении с низким потолком и висящими клейкими лентами, на которых прилипли трупки серых высохших мух. Пахло мышами, застоялым кислым запахом и стиральным порошком. Свет пробивался сквозь небольшое окно, переплетённое металлической решёткой. К прилавку выстроилась жидковатая очередь. В основном толклись престарелые женщины, перешедшие уже черту бальзаковского возраста. Последней в очереди стояла худошавая женщина в синем платье и серебряной цепочкой на шее. Волосы на голове прибраны и уложены в тугий пучок на затылке.

– Вы последняя? – задал глупый вопрос Геныч.

– До недавнего времени была крайней в очереди, – обернулась женщина и посмотрела на него ярко-голубыми глазами.

У Геныча, ещё толком не отошедшего от сна, защёлкало в голове, будто кто-то там крутил ручку механического арифмометра. Он стал поближе к ней, разглядывая тонкую шею с ещё не старой кожей.

Женщина купила нарезной батон и пачку чёрного чая. Отошла от вытертого до блеска прилавка в сторону, ближе к свету, пересчитывая сдачу. Геныч пробежал глазами по полкам, припоминая, что ещё нужно купить на неделю так, чтобы не ходить в магазин. Ему не нравилась продавщица Людка по прозвищу Обсчитай. Увидев Геныча, она упёрлась тяжёлым взглядом прямо ему в переносицу, поджала губы и молчала в ожидании, чего он скажет. Генычу стало как-то неловко, он пошарил в кармане деньги, вытащил мятую купюру.

– Вот, Люда, мне молока литровый пакет, хлеба серого и пачку макарон.

– И всё что ли? – продавец поёрзала толстым животом по прилавку.

– Всё, – согласился с ней Геныч, думая поскорее выйти из магазина. Люда по прозвищу Обсчитай небрежно взяла банкноту из руки и положила в кассу.

– Ты мне хорошего молока дай, а то в прошлый раз стал его кипятить, так оно синей плёнкой покрылось. Чем нынче коров кормят? – осмелился спросить Геныч, зная заводной Людкин характер.

– Откуда я знаю, чем их кормят! Привозят с молокозавода, я вот продаю, ведь не дояркой в колхозе работаю! И не надо лишних вопросов задавать, и так очередь ждёт, – опять нахмурила лохматые брови продавец, грозя сорваться на крик.

Сзади стоящая бабушка-одуванчик с седыми прядями волос подпирала Генычу в спину, и он быстро побросал купленные продукты в мятый полиэтиленовый пакет «Marlboro», торопливо вышел из магазина. Дверь за ним захлопнулась, оставив неприятную встречу позади. Людка-продавец жила в соседнем доме вместе с дочерью, которая была похожа на мать, как две капли воды. Геныч, когда возвращался домой с работы, проходил мимо их окон. Если у Людки был выходной день, то она сидела возле распахнутого настежь окна и лузгала семечки, выплёвывая шелуху прямо на улицу. Женщина она была без всяких жизненных комплексов и предрассудков. Муж от неё ушел несколько лет назад к другой женщине, и Людка после этого возненавидела весь мужской род, считая всех отъявленными предателями. В магазине она обсчитывала пьяненьких мужиков, которые приходили прикупить ещё, чего бы выпить. И, не получив сдачи, стояли, покачиваясь словно лунатики, возле прилавка в ожидании Людкиной милости. Но она была стойкой женщиной и умела только выполнять два несложных действия: сложение и умножение в свою пользу. Людка всегда помнила о своей дочери, собирая ей приданое на свадьбу с местных незадачливых выпивох. Некоторые смельчаки жаловались участковому, но он только ухмылялся в густые прокуренные усы и махал рукой: «Да ну вас. И так хлопот хватает».

Геныч вышел из магазина, почувствовал, как ему на голову сверху стало капать. Он рукой стряхнул водяные капли, посмотрел на чёрное небо: вдалеке оно задевало верхушки деревьев, и виднелись грозные разряды, которые прошивали тучи насквозь и уходили к земле. «Вот сейчас польёт, как из ведра», – подумал Геныч и, впрочем, был недалеко от истины. Пока он шёл домой, тяжёлые, беременные водой, тучи пролились на землю сплошным потоком. Вверху сильно гроыхало, так что становилось не по себе. В человеке заложен определённый ген страха перед природными

катаклизмами. Мутные лужи на тротуаре запузырились от крупного дождя, и, когда Геныч подбегал к подъезду дома, то был весь сырой. К спине неприятно прилипала рубашка, некогда подаренная женой. В туфлях мокро ногам, в них противно хлюпала вода. Геныч шёл по тёмному подъезду, поднимаясь к себе, и, проходя мимо квартиры Витьки Жучкина, показал крепко сжатый кулак: «Так бы и врезал ему за словоблудие. Язык без костей, мелет, что попадёт ему в бестолковую голову». С Витькой они учились в одной школе, только в разных классах. Витька оставался на второй год в восьмом и был зол на всех учителей. Однажды весной выждал момент, когда никого не было в классе, налил густого коричневого клея на стул преподавателя истории Марии Зигмундовны, которая донимала его больше всех, – так ему казалось. Она провела урок, стоя возле исписанной доски, но в конце его устало присела на стул и приклеилась шерстяной юбкой к нему. Шум гремел в школе до небес. Витьку чуть снова не оставили на второй год, но на педсовете мудро решили освободить школу от него, и все остались довольные. Витька Жучкин подпорчивал жизнь Геныча, особенно когда был пьяный. Геныч одно время хотел даже поджечь его дверь квартиры, надеясь, что он утихомирится, но потом передумал, решив, что только озлобит непредсказуемого Витьку. Придя домой, он щёлкнул выключателем в прихожей, скинул мокрые туфли и, шлёпая ногами, прошёл в ванную. Посмотрел в зеркало и не понравился себе сам. Лицо небритое заросло недельной рыжеватой с проседью, щетиной. Глаза мутноватые, хотя Геныч уже как два года ничего крепкого в рот не брал. Выпивать сразу завязал после смерти Маргариты, считая, что он сам виноват в её болезни и скорой кончины.

В небольшой церквушке, когда отпевали Маргариту, было сумеречно и тихо. Ходили богомольные старушки в чёрных одеждах, часто крестились и целовали иконы. Пахло горящими свечами. Маргарита лежала в гробу словно заснула, лицо тихое и умиротворённое. Народу пришло немного: коллеги по работе да соседи. Дочь Геныча стояла рядом, прижавшись плечом к нему, и всё время плакала, дрожа худощавым телом, вытирала платочком глаза. Нина жила в другой области, приехала, как только получила телеграмму от отца. Уже на кладбище Геныч остался один, остальные пошли в столовую на поминальный обед, упал на колени перед невысоким холмиком, упёрся головой в сырую землю и, разжимая тесно сжатые посиневшие губы, просил прощения у жены.

Похоронив жену, Геныч крепко затосковал и не мог найти себе места. Фотография Маргариты висела как раз напротив дивана, на котором он спал. Жена смотрела на него, прищурив глаза, словно заглядывала ему в

душу. Одинокие женщины вскоре стали проявлять к нему интерес.

Кристина Борисовна из соседнего подъезда, работавшая в местном ателье бухгалтером, как-то в густых сумерках подкараулила его возле кустов разросшиеся жимолости.

– Ты что один всё ходишь, Геннадий Павлович? Мог бы и ко мне заглянуть вечером. Вместе телевизор посмотрели, а то и по рюмочке – другой для здоровья пропустили.

Геныч, опешивший от того, что его назвали по имени и отчеству, даже остановился и окинул взглядом Кристину Борисовну. Крутобедренная женщина со светлыми жидковатыми кудряшками на голове, стояла подбоченившись, не давая ему пройти. Высокая налитая грудь нервно колыхалась. Витьке Жучкину она нравилась, и, когда Кристина Борисовна проходила мимо него, поигрывая бёдрами, он вздыхал и долго провожал её томным, полным желания, взглядом. Жена у него была плоская, костистая, да и к тому же злая. Ходила всё лето в одном платье с длинными рукавами и на всех посматривала косо. В подъезде ни с кем не здоровалась, проходя мимо, делала вид, что не замечает соседей.

– Да некогда мне телевизор смотреть, хоть свой не выбрасывай! – ожесточился он от такого напора.

– А чем же ты занят вечерами? – напирала грудями, похожими на футбольные мячи, грозя прижать Геныча в густые кусты.

– В основном размышляю о вреде алкоголя, – быстро нашелся, что ответить, он и пошёл своей дорогой, обходя стороной настойчивую Кристину Борисовну.

– Ну,.. ну размышляй! Тоже мне философ доморощенный нашёлся, видали мы таких! Так и останешься один на белом свете. – Эти слова толкнули его в спину. Геныч прибавил шаг и вскоре оказался в родном подъезде, пахнущем кошачьими испражнениями. На стене первого этажа кто-то выцарапал гвоздём: «Катя, я люблю тебя!», а ниже криво и размашисто: «Ну и дурак».

Геныч переделался в сухую одежду, прошёл на кухню сварить себе манной каши. Из шкафа достал алюминиевую кастрюльку, в которой ещё варили дочке разные каши, посмотрел внутрь и налил из пакета молока. На этот раз молоко было настоящим и пахло травой, как показалось Генычу. После завтрака он походил по квартире. Её он получил, как только Маргарита принесла из роддома их дочь, а до этого они жили в деревянном бараке, продуваемом всеми ветрами. Зато жили в нём весело. Праздники отмечали все вместе за одним столом во дворе, где недалеко стояло отхожее место и зимой отмечалось тонкими тропками от барака.

Прошла неделя. Геныч, особо ничем не обременённый в жизни, решил прогуляться по городку. Прошёл два пыльных квартала и упёрся в реку. Она его притягивала с малолетства. Когда-то по ней сплавляли плоты с верховьев. Трудяги - буксиры, уткнувшись носом в воду, напрягаясь дизельными силами, тянули длинный караван из леса вниз по течению. Геныч с дворовыми пацанами с самого утра, как только солнце проклюнется на дальнем горизонте, прихватив бамбуковые удочки, катили на велосипедах на плоты, стоящие возле самого берега, поудить разную рыбёшку.

Геныч сел на деревянную лавочку под недавно посаженную школьниками берёзку и пристально всматривался вдаль. «Жаль, что бинокль не прихватил с собой», - подумал он. На горизонте появился трёхпалубный теплоход «Феликс Дзержинский». Возле кормы появились белые наглые чайки, они летали близко от синей воды, резко взмывали вверх и на лету подхватывали куски хлеба, которые им щедрой рукой бросали пассажиры. Теплоход, оставляя за собой буруны взлохмаченной воды, делал полукруг, чтобы причалить к бетонной стенке, где уже грудились местные выпивохи, чтобы проскочить незаметно для вахтенного в буфет прикупить бутылочного «Жигулёвского». По причалу мелькнули две женщины в просторных платьях, у которых на шее, словно ожерелье, висела сушёная рыба. Под звуки шлягера «Вернись, вернись, я всё прощу», теплоход причалил. Солнце щедро светило и отражалось от воды. Пассажиры облепили бортики теплохода, с нетерпением ожидая, когда подадут сходни. На причале сидел на кнехте молодой матрос с повязкой на рукаве. Ему нравилось смотреть на воду, на теплоход и на прозрачное небо. Геныч посмотрел на это действие и собрался было уйти, но увидел женщину из магазина. Она сидела на комле недавно упавшей сосны и задумчиво что-то чертила прутиком на песке. Геныча это заинтересовало и, преодолевая свою неловкость, он подошёл к ней.

- Здравствуйте, - произнёс он, тихо улавливая биение сердца.

- Добрый день, - отозвалась женщина, поднимая голову и окидывая его взглядом пронзительно синих глаз.

- Извините, а что вы такое малюете? - с нескрываемым интересом спросил Геныч, понимая, что женщина может его проигнорировать.

- Пишу ноты, хотя я не музыкант. Больше для себя, вывожу скрипичный ключ. Может, так настраиваюсь на целый день, чтобы было хорошее настроение.

- М-да, - только промычал Геныч и собрался уже уйти, не мешать погружаться в собственное пространство этой незнакомке.

– А я вас запомнила ещё в магазине! – женщина встала с дерева, отряхнула юбку и протянула тонкую хрупкую ладошку. – Инесса Григорьевна, – представилась, улыбнувшись, отчего на щеках показались маленькие ямочки, прозрачные ушки просвечивались солнцем.

– Геныч, – представился он, но, спохватившись, назвал себя полным именем, – Геннадий Павлович. Да можно просто – Геныч. Меня так все зовут ещё со школы. Я уже привык.

Весь день до позднего вечера они гуляли по берегу реки и разговаривали на разные темы. Как оказалось, Инесса Григорьевна до выхода на пенсию работала в школе преподавателем русского языка. Геныч больше молчал, чтобы не показаться глупым и только кивал головой. Инесса Григорьевна пригласила его к себе домой попить чай, когда на небе высыпались яркие звёзды, и от реки потянуло волглой прохладой. Из темноты раздавались удары лодочных вёсел, весёлый заразительный женский смех.

Инесса Григорьевна жила в однокомнатной квартире недалеко от центра городка. Пока она хозяйничала на кухне, Геныч разглядывал небольшую комнату. На стенах висели фотографии мужчин в военной форме. На одной из них – большебородый казак с шашкой, а рядом молодая красивая женщина в платке.

– Это мой дед с бабкой, ещё до революции сфотографировались. Тяжёлая у них судьба потом сложилась. В село, где они жили, пришли красные грабить, потом пришли белые – опять грабить. Ладно, об истории не будем говорить на ночь. – Она достала из шкафа стопку музыкальных пластинок в бумажных серых пакетах. – А вы, Геннадий, любите музыку слушать? Геныч молча кивнул головой, соображая, как бы ему не обмишуриться перед образованной дамой.

– Сегодня будем слушать Свиридова «Метель» по повести Александра Пушкина.

Проигрыватель немного прошипел, и полилась музыка, отдалённо слышался перезвон колокольцев – это тройка лошадей сквозь метель несётся вдаль. Послышались тревожные удары барабана, извещающие о приближающейся беде. Геныч, сам не замечая, вздремнул, уронив голову себе на плечо. Проснулся от лёгкого прикосновения руки хозяйки.

– Что-то я утомила вас, Геннадий Павлович! Вы идите,.. а завтра приходите снова. Чайком побалуемся и музыку дослушаем. Видимо, вы пока не готовы прикоснуться к великому искусству, но это поправимо, – с этими словами Инесса Григорьевна проводила запоздалого гостя до двери.

Геныч шёл домой, не разбирая ночной дороги. В душе у него происходило смятение чувств. Они горячей волной окатывали его с головой, а затем

скатывались холодом в груди, от этого его бросало то в жар, то в холод. На улицах фонари не светили из-за отсутствия денег в городском бюджете. В темноте Геныч сбился с дороги и уткнулся в глухой забор. Злобно залаяла собака, кинулась к нему. Геныч рванул с места, словно ему пятки намазали скипидаром, побежал сквозь кусты и заросли репейника. Над головой парили звёзды, светила желтоватая луна. Раздалась кошачья драка, между ног проскочила тень, напугав Геныча.

– Вот зараза! Можно так и инфаркт схлопотать, – раздосадовано проговорил он и, коротким путём через узкие проулки, вскоре оказался дома. Зайдя в квартиру и включив свет, он посмотрел на фотографию жены, которая, как ему показалось, одобряла его. С лёгким сердцем Геныч заснул, едва коснувшись горячей головой мягкой подушки.

На следующий день он почистил свой единственный клетчатый пиджак, не жалея, вылил на себя почти половину флакона «Шипр», в коридоре прошёлся щёткой по туфлям, пошёл в гости к Инессе Григорьевне. Генычу хотелось праздника, так, чтобы в душе сверкали разными цветами фейерверки. Проходя мимо двери своего заклятого друга Витьки Жучкина, скривил презрительную рожу и побежал вниз через две ступени. От него исходил такой парфюмерный запах, что проходившая мимо пожилая женщина зажала нос пальцами. Но этого Геныч не замечал, он просто был счастлив, и грудь распирало от радости предстоящей встречи, ему казалось, что люди улыбаются вместе с ним.

Вскоре он оказался в центре городка. На возвышенном месте стоял памятник вождю мирового пролетариата. Ильич высоко поднял голову, на которой в тот момент сидел голубь и с осуждением смотрел в сторону завода, который нещадно чадил трубами, выбрасывая в атмосферу чёрные клубы дыма, от него зимой в городке чернел снег и кашляли люди. В правой руке вождь крепко зажал кепку с помятым козырьком, а левой указывал, в каком направлении нужно было идти Генычу. Возле этого каменного исполина Геныч, будучи ещё пионером, с трепетом под барабанную дробь клялся верности идеям пролетарского вождя и вскидывал правую руку в знак готовности на любой поступок ради него. Потом здесь же под песню «Наш бронепоезд стоит на запасном пути...» Генычу прицеплял комсомольский значок секретарь горкома Иван Булкин. Через несколько лет он станет богатым человеком, исчезнет в дальнем забугорье и позабудет комсомольские идеалы о равенстве и братстве. Несколько десятилетий народ, словно маленькие дети, шли за мечтателями, которые придумали мифическую несбыточную счастливую жизнь.

Геныч, виновато озираясь, сорвал с клумбы несколько красных цветов для

Инессы Григорьевны, запихнул их под пиджак и, ускорив шаг, скрылся в ближайшем переулке.

[Александр АБДУЛАЕВ](#) - 10 марта 2018

<http://webkamerton.ru//2018/03/smatenie-cuvstv>